

ШТРИХИ К ТИПОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

STROKES TO HUMAN TYPOLOGY

A. Chesnokov

Annotation

The typology is based on the person in different ways, starting as from the different properties of consciousness and the origin of its structures. Chance and a phenomenal approach to which, for example, can be attributed to human attempts to understand the point of view of the excessive predominance of individual qualities, that is, non-equilibrium effects. But in any case, the discovery of a new obligation, above all, set it neproizvodny character from the already known.

Keywords: people, types, properties, consciousness, the structure of a phenomenon.

Чесноков Александр Семенович
Кандидат
физико-математических наук

Аннотация

Типология человека строится по-разному, отправляясь как от различных свойств сознания, так и от происхождения его структур. Возможен и феноменальный подход, к которому, например, могут быть причислены попытки понять человека с точки зрения чрезмерного преобладания в нем отдельных качеств, то есть эффектов неравновесности. Однако в любом случае обнаружение нового обязывает, прежде всего, установить его производный характер от уже известного.

Ключевые слова:

Человек, типология, свойства, сознание, структура, феномен.

Типология человека строится по-разному, отправляясь как от различных свойств сознания, так и от происхождения его структур: биологического, социального, обусловленного личными переживаниями. Возможен и феноменальный подход, к которому, например, могут быть причислены попытки понять человека с точки зрения чрезмерного преобладания в нем отдельных качеств, то есть эффектов неравновесности. Однако в любом случае обнаружение нового обязывает, прежде всего, установить его производный характер от уже известного. Поэтому в качестве пропедевтики к теме мы коротко и в общих чертах остановимся на характеристике главных (и научно вполне оформленных) человеческих типов и определяющих их базовых свойств. И поскольку именно базовые свойства являются тем самым элементарным материалом, из которого складывается конкретный тип, уточним в первую очередь некоторые содержания.

По своему смыслу "тип" человека означает ту его психологическую первичность, которая представляет собой природный фундамент, несущую основу, на чем последующий жизнестроительный процесс возводит то или иное (удачное или не очень) сооружение. Возводит не только с помощью данного индивида, но, в силу обстоятельств, иногда и без активного его участия. Вот почему фундамент и его видимая конструкция могут "технологически" плохо соотноситься, что обнаруживается порой наличием в человеке несочетаемого, "странностей", внешне не мотивированных действий и прочего в разном роде. Своеобразие фундамента и предлагаемых жизненных ситуаций может, наконец, не сойтись настолько, что кажущееся законченным строение в один момент рухнет или не сможет состояться вовсе.

Предвосхитим естественно возникающий вопрос: следует ли понимать уже сказанное так, что психологический тип трактуется здесь как заданность, помещенная в человеке вместе с его рождением?

Не все базовые свойства являются таковыми, но некоторые да. Подробней мы этого еще коснемся.

Еще одно уточнение. Какого бы экстремального выражения ни достигали отдельные человеческие типы, в разговоре о них мы будем находиться исключительно в сфере в целом нормальной психики. Рассуждения же о том, что ничего стопроцентного нет, что вполне нормальных людей вообще не существует, пусть останутся тем, кто любит игру в диалектику. Конечно, любой психиатр не только вправе, но и просто должен профессионально рассматривать человека на предмет его возможной болезни и именно под этим углом зрения анализировать те или иные психические проявления. Такова же по роду деятельности и обязанность автомеханика в мастерской. Но странно было бы серьезно относиться к заявлениям последнего, что "абсолютно исправных автомобилей не бывает". Идеология "ремонтной базы" не должна выходить за сугубо цеховые пределы.

Итак, о базовых свойствах психологических типов и о них самих.

Начнем с системы, предложенной академиком И.П. Павловым.

Занимаясь в первую очередь рефлексологии, а не психическими содержаниями реакций, Павлов разграничил прежде всего слабый и сильный отвечающие типы.

Первый он обозначил как неподдающегося дальнейшим различениям "меланхолика", второй дифференцировал по следующим свойствам:

- ◆ сильный–неуравновешенный: "холерик";
- ◆ сильный–уравновешенный–мобильный: "сангвиник";
- ◆ сильный–уравновешенный–инертный: "флегматик".

Выбранные Павловым базовые свойства: сила реакций, их уравновешенность и мобильность, как уже было сказано, не психосодержательной природы. И хотя они в своей структурной классификации бесспорно позволяют делать некоторые заключения о поведенческих способностях выведенных типов, возможности здесь весьма ограничены. В отношении человека их можно использовать, главным образом, в самом общем констатирующем смысле. Ну, например, принц Гамлет? Холерик, реакции сильные, но очень неуравновешенный. Наташа Ростова? Сангвиник тут комментарии не требуются.

А Дон–Кихот? Мечтатель? Да, в том числе. Однако это уже содержание психики, точнее, ее ценностная установка, рожденная из романтической эмоции. И втиснуть Дон–Кихота в павловскую схему при всем желании не удастся. Но вот, в своем сравнительном анализе Иван Сергеевич Тургенев подметил такую важную деталь: мир Гамлета помещается в самом Гамлете, мир Дон–Кихота географичен. Ему нужна вся Испания. А если бы не здоровье (плохое у Россинанта тоже), они бы всю Европу переиначили.

Несколько позже Карл Юнг пришел к заключению, что расположение мира, то есть направленность умственно–эмоциональных поисков вовнутрь или вовне, должно быть отнесено к базовому свойству психики, так как представляет собой одну из начальных особенностей человека. И появились две соответствующие категории индивидов интроверты (обращенные внутрь) и экстраверты (направленные вовне).

Нужно сказать, что некоторые ученые попытались с помощью этих категорий сделать классификацию Павлова более психологичной. Неуравновешенный экстраверт холерик, уравновешенный сангвиник. Неуравновешенный интроверт меланхолик, уравновешенный – флегматик.

Опять все и с Гамлетом, и с Ростовой понятно, можно теперь Печорина во флегматики записать, расширить, так сказать, представительный список. Но вряд ли многим захочется это делать. Потому что, подсказывает внутренний голос, от этого – ни уму ни сердцу. Вот здесь мы и подходим к вопросу, который, возможно, следовало бы задать в самом начале. А зачем вообще нужно выделять эти психологические типы? Что это нам дает?

В попытке ответить на данный вопрос, давайте все–таки вернемся к Наташе Ростовской.

Активное жизневосприятие. С теми крайностями эмоциональных проявлений, которые вполне соответствовали как экстремальным для нее ситуациям, так и желанию охватить и почувствовать всю полноту жизни. Бесспорно сильная психика этой девочки способна защищать себя от глубоких ран, восстанавливаться и снова открываться миру, полагая в нем, а не в рефлексиях собственного сознания смысл и ценность бытия. И вряд ли будет преувеличением сказать, что этот литературный ребенок Льва Николаевича Толстого был для него не менее родным, чем многочисленные собственные дети. А может быть, и более, за абсолютной законченностью этого создания и полного его соответствия психологическому типу самого писателя. Во всяком случае до того последнего периода жизни, когда фантастическая сила его характера не развилась до степени угнетающей и самодовлеющей диктатуры.

Но Наташа осталась Наташей. И хотя за ней никаких больших дел не числится (декабристский финал лишь указывает на их возможность), личность Ростовской воспринимается как исключительно положительная. Однако и в менее ярком своем выражении общая положительность типа "сангвиник" фактически выступает всегда как бесспорная. И нам очень важно заметить, что совокупность нейтральных по отдельности базовых психических качеств вдруг обретает ценностно–этический смысл. Этим мы, разумеется, еще не ответили на вопрос о немедицинской значимости психических типов, а только попытались сделать первый шаг в эту сторону.

Для второго шага обратимся к экстра– и интровертивному делению Юнга. Интроверт, согласно его теории, во многих отношениях интересней, чем его полярный собрат. Он гораздо богаче творческими потенциями, особенно художественными. Интеллектуальные интроверты значительно опережают своих экстравертных коллег в том, что касается идеальных концепций как таковых, поиска фундаментальных жизненных смыслов, эсхатологического построений и т.п. Образно говоря, их можно называть стратегами цивилизации, в то время как интеллектуалы другого полюса сравнимы с ее оперативно–тактическими работниками. Добавив к этому чувствующий, ощущающий, мыслительный или интуитивный доминирующий базовый признак (свойство), Юнг очень подробно разбирает каждое сочетание, его сильные и слабые стороны. Но при всем разнообразии полученных им результатов отчетливо выступает преобладающая значительность интровертного базиса.

На первый взгляд, это странно, ведь интроверт заведомо жизненно неадекватен. И вместе с тем, совершая еще один набег в художественную литературу, давайте вспомним о часто встречающемся и периодами массовом увлечении публики сакраментальными персонажами, погруженными в свой собственный внутренний мир и побуждаемыми им к далеко не всегда понятным читателю действиям. Вселенский и демонический мир Байрона

или Лермонтова, мир темных, заявляющих о себе из каждого угла тайн Достоевского... Что там вообще может быть понятно "среднему" человеку?

Конечно же, средний человек только и является таким, что, обладая всеми указанными базовыми свойствами, не обладает ни одним из них в обостренном выражении. Проще говоря, он состоит из малых, но качественно совершенно полноценных подобию Толстому с его Наташей, Гамлету, мстящему за опошленную жизнь и т.д. и т.п. Будучи, в том числе, и небольшим интровертом, он интуитивно ощущает потенциальную огромность внутреннего мира, его космичность.

Сказанное можно было бы отнести к вполне тривиальным выводам, если бы из него не следовало, на наш взгляд, нечто очень серьезное.

Отдавая экстремумы человеческих типов только художественному творчеству, пришлось бы оставить за рамками объективных знаний слишком многое. Прежде всего пришлось бы согласиться с позитивизмом самого грубого толка и отнести весь человеческий духовный опыт к фантазиям, объясняя их эмоциональными компенсациями реальных жизненных вожелений или случившихся неудач. С фрейдистской приправой по индивидуальному вкусу. И уж конечно, пришлось бы "научно" зачеркнуть все существующие религии единственной фразой: "Человек не верит в себя и боится смерти". Ну, некоторым так бы и хотелось. Только слово научно мы не зря поместили в кавычки.

Интровертный тип Юнга, слишком ясно себя экспериментально обнаруживающий и легко стыкующийся с биорефлекторикой Павлова, не может быть отнесен ни к патологии человеческого сознания, ни к преобладанию в нем иллюзорных форм и окрасок. Иначе следовало бы признать, что иллюзии движут миром не меньше, чем практический здравый смысл. Впрочем, такое признание пока не помеха современным позитивистам-прагматикам. Отталкиваясь от загадочного эволюционного принципа, позволяющего провести прямую линию от камня до Альберта Эйнштейна, они тут же заявят, что иллюзии очень помогают людям выжить. Расскажут, например, как, готовясь к очередной охоте, первобытный человек представлял себе возможные ее ситуации, от возможно-го переходил к желаемому, создавал в уме его картины, рисовал (зачем-то) их на стене. Другой первобытный, ленивый и сметливый, сообразил, что можно и вовсе не ходить на охоту, а заниматься этими нехитрыми комиксами, внушая соплеменникам мысль, что они приносят удачу, И фантастический культовый элемент стал постоянным жизненным фактором человека.

В написании общих картин (этой или подобной) прагматики большие мастера. Но плохо всегда выходит с деталью. Почему, например, первобытный охотник должен о чем-то фантазировать вместо того, чтобы, подчиняясь

единственно здравому смыслу, лечь спать. Время свободное есть, не спится? Однако само по себе свободное время не обладает побуждающей силой.

Почему чисто рассудочное сознание впускает в себя мечтательный иррациональный мотив? Ответ может быть только один: потому что он человеку приятен. Но это ведь значит, что иррациональная рецепторика изначально заложена в человеческую природу. Причем (также изначально) настолько сильно привязана к ее положительной эмоциональной сфере, что не вытесняется никакими самыми жесткими условиями выживания, требующими предельной практической мобилизации, то есть подчинения всей психической энергии природно-физическому плану.

Не вступая в продолжительную дискуссию с идеологией "мичуринского" толка, можно выдвинуть значительно более основательное, с нашей точки зрения, предположение о непривнесенном интровертном качестве человека. Кем или чем обусловлена тогда эта наличность?

По-видимому, правильнее попытаться сначала ответить чему она служит?

Рефлексивные механизмы сознания являются единственным средством формирования внутреннего мира ценностей. Прежде всего потому, что лишь внутренний взгляд человека позволяет сводить в систему накопленный жизненный опыт. И это последнее присуще каждому. Но только очень пристальный взгляд способен формировать нетривиальный внутренний мир и соответствующую ему аксиологию. Отсюда уже вытекает огромная значимость интровертного типа, как типа, способного проводить тонкую наблюдательную внутреннюю работу. И сразу же важно подчеркнуть, что создаваемая таким образом аксиология – надперсональна. Объявляя себя в художественных, философских или религиозно-мистических произведениях, она становится продуктом всей человеческой жизни, и именно в силу тех качеств "подобия" среднего человека, о которых было сказано выше. Средний человек, простите, не изобретет даже зубную щетку, но оценит ее преимущества и сумеет сделать аналогичную. Этика как продукт внутреннего мира в этом смысле ничем не отличается: она создается редкими индивидами, усваивается массой и ею же, в силу условий жизни, корректируется и модифицируется. Но так же, как и технологический параметр быта, который в своем научно-техническом содержании массово не усваивается, этика в массовом сознании трансформируется, главным образом, в нормативно-операторное поле, слабо сцепляясь с эмоциональной базой среднего индивида и не ориентируясь в оттенках "хорошего" и "плохого". Другими словами, без аппарата сложного различения этика присутствует только лишь в смутных содержаниях и поведенчески проявляет себя в очень произвольных трактовках. Вместе с тем, по мнению, в частности, Владимира Соловьева, как и технический прогресс, продуктивно сказывающийся на человечестве, этическая динамика имеет тот же

положительный характер в историческом плане.

Осталось теперь указать, куда же именно этика исторически стремится. Здесь вряд ли уместно делать открытия. Этический предел может существовать только в религиозной сфере. Как эсхатологический абсолютизм. Хотя, конечно, каждая фундаментальная религия пытается описать его по-своему. Теперь, соединив с этим непривнесенность интровертивного качества, можно получить религиозный ответ на вопрос о природе и назначении человека, но получить его в духе эмпирической онтологии. Разумеется, сказанное не претендует на сколько-нибудь основательное раскрытие такой сложной темы, однако все же свидетельствует и о том, что типология человека способна давать результаты далеко за пределами практической психологии. К еще одному такому случаю мы сейчас и перейдем.

Базовое свойство человеческой психики может быть и привнесенным, сформированным жизнью. Но не этой его отдельной, а той, из которой слагается менталитет, архетип и т.п. Речь, короче говоря, пойдет о коллективных свойствах сознательного. (Или бессознательного, последнее разделение пока не важно. А Владимир Леви вообще утверждает, что это единый комплекс, просто плохо освоенный человеком).

Несколько забегаая вперед, уточним: речь пойдет о "мягком" и "жестком" типе человека, но не в смысле плохого или хорошего содержания того и другого, а в смысле базового и до сих пор мало проявленного свойства психической организации людей.

Слово "организация" указывает если не на природные, то уж, во всяком случае, на закрепленные жизненными процессами свойства. И здесь лучше начать не с определения, а с примера. С маленькой, сравнительно с нашими просторами, Западной Европы, где культура, а следовательно, и этика складывались в плотной городской среде. И сами города находились на расстоянии одного-двух дней пешего пути, что делало, во-первых, крайне несложно осуществимой военную акцию в отношении соседа, и создавало возможность легкой миграции ремесленного люда, во-вторых. Другими словами, конкурентные условия физического и хозяйственного выживания представляли перед людьми не в историческом, а в напряженном злободневном плане. Земельные, строительные и вообще природные ресурсы были очень ограниченными. Значит, транжирить их нельзя. Нельзя и негде разводить помойки. Нельзя тратить время попусту, потому что конкуренты из соседнего города вытеснят с рынка более качественным товаром. Нельзя не готовить собственных детей к тщательному и максимально квалифицированному труду, иначе погибнут внуки. Нельзя строить дом не на века, иначе за твою безалаберность ответят твои же потомки. Им некогда будет достраивать и перестраивать, потому что время нужно использовать, чтобы, специализируясь в наследственном ремесле, не потерять место в

городе. Городу нужны дисциплинированные и усердные, иначе и он не выживет как отдельная единица. Но дисциплинированные и усердные это всегда и состоятельные. Те, кому есть что беречь, а стало быть, и что приумножать. Есть о чем думать. Каждый день, а не от случая к случаю. (А кстати, вы не замечали, что среди вышколенных собак никогда не встречаются глупые?) Организующий себя ум приобретает способность оценивать форму и метод, то есть становится умом не созерцательным, а познавательным. И этим гордится.

Не без скучноватой сухости все это, конечно.

Чтобы, вот, сесть на тройку, и птицей?! А дня через два неизвестно где проснуться, с кем неизвестно в обнимку?.. Нет, немец такого не может, от этого немцу смерть. Нам только в щеки румянец.

А можно и не на тройке, а на диване с трубкой. Все можно. И в гениально обостренном финале известного кинофильма бежит по немереным русским просторам мальчик, по просторам пронзительным и безнадежно зеленым.

Нельзя и можно. Ведь это первоначальные ориентиры. И попадая в сколько-нибудь новую обстановку, один человек сообразуется (входит в контакт с ней) по установке "чего мне тут делать нельзя?", другой... впрочем, у "можно" невероятно большой диапазон индивидуальных звучаний.

Ориентировка на "можно-нельзя", конечно же, непривнесено-базовая, любому питекантропу присущая. А вот установка на то или другое базовое привнесенное свойство. В том смысле, о котором речь шла выше, исторически образованная. И сразу же подчеркнем, установка "нельзя" обладает высокой различающей потенцией, а противоположная в ней мало нуждается.

Теперь мы подошли к обозначению типов согласно указанной внутренней установке: "мягкий" "можно", "жесткий" "нельзя".

Мы еще конкретно проиллюстрируем каждый, но сначала необходимо углубить отчасти уже сформированные представления.

Намеренно не обращаясь к западному примеру, выведем сопряженную с "нельзя" категорию не из условий тамошней исторической жизни, а из самой психологии.

Жесткий тип в своей усиленной дифференциации жизненных условий и планов проявляет крайнюю скрупулезность и дотошность. Он не выносит подмены смыслов и как такового небрежного с ними обращения. Обрисован для себя общий ограничительный каркас по установке "нельзя", он переходит к осмыслению его окрестностей по менее строгой и уже поисковой форме: "почему нельзя принимать первое же попавшееся "можно?" или "если можно, то почему это, а не другое". Иначе говоря, жесткий тип начинает поиск оптимального плана, или: ищет необ-

ходимое. "Нельзя" и "необходимо" увязываются, следовательно, в сопряженную пару.

Мягкий тип, не тренированный на строгих изначальных ограничениях и не обретший эмоционально положительно окрашенных поисковых интенций, вообще очень смутно представляет себе императив оптимальности. Точнее, для него это вовсе не императив, это: "неплохо бы, чтобы". Однако оторванная от "нельзя", не находящаяся с ним в системе постоянных корреспондентий, такая формула выводит мягкий тип далеко за пределы реального круга возможностей, выталкивая его нередко в иррациональную мечтательную сферу. В сопряжение к "можно" становится, таким образом, "возможно" или, что еще хуже: "хорошо бы чтобы".

Жесткий тип, отталкиваясь от безусловных ограничений, видит свою систему координат и точку локального оптимума. И понимает ее временность и локальность, то есть то, что жизнедеятельная траектория состоит из кусочков, постоянно выстраиваемых из новых обстоятельств. Мягкому типу все это абсолютно безразлично, Он устанавливает в качестве координатной точки желаемое, полагая, что двигаться надо не от чего-то, а к чему-то. Переломанные на этом пути ноги (в особенности не свои) он склонен, разумеется, относить на счет высоты и правильности поставленной цели. Но здесь мы чуть забежали вперед, коснувшись аксиологии одного из типов. В разговоре о ней нужно начать с другого, а именно с понятия о "свободе". Вернее, о свободе как категориальном условии личности.

Понятно, что общее и первоначально нащупываемое "можно" объективирует личный план существования в конкретных "могу". И "не могу" становится психологическим антиподом, суживающим этот план. Соображения логического, правового или какого-то иного характера выступают для мягкого типа при этом лишь как система сдержек, не более. Здесь разум борется с бессознательным, которое, определяя эмоциональное отношение к событиям, квалифицирует очередное "не могу" лишь как свое поражение. И накапливает обиды.

Жесткий тип, переводя нельзя-необходимость в ряд "должен", гармонизирует и мобилизует свое психическое состояние. Собственно, "свобода как осознанная необходимость" Гегеля вызывает порой недоуменное чувство за недоговоренностью: "сделать именно то-то конкретное". И жесткий тип реализует себя именно в его обнаружении. Добавив еще одно уточнение: свобода как длящееся состояние является осознающей (а не осознанной!) субъективацией необходимого, можно получить окончательную формулу свободы жесткого типа, столь характерно присутствующую в германском, например, менталитете.

Теперь мы перейдем к окончательной квалификации рассматриваемой здесь типологии. Но сначала несколь-

ко предваряющих слов.

Если взглянуть на жесткий тип человека с точки зрения поведенческой дисциплины, можно легко ошибиться и записать туда совершенно противоположных людей. Действительно, любой хорошо воспитанный и жизненно организованный человек объявит себя жестким, прекрасно понимая всю пагубность и зрящность саморукотворяющей установки на "можно". Экспериментально распознать тот или иной тип, поэтому, не просто. Но мы, сказав уже кое-что о долженствовании, попробуем вывести еще одно разграничивающее базовое свойство.

Вспомним, что каждый текущий момент в жизни жестких людей представляет собой лишь набор данных, располагающих их к поиску очередных решений. Факты для них, таким образом, выступают лишь в качестве предпосылок или, еще точнее, условий к действиям. Разумеется, конкретные условия могут нравиться или не нравиться, и в этом смысле эмоционально восприниматься. Но нельзя любить или не любить условия вообще. Факты, в связи с этим, в психологии жесткого человека никак не соотносены с уровнем внутренних ценностей. Более того, в метафизическом смысле факт выступает главным ограничителем свободы жесткого типа, настаивая на себе, он (опять же метафизически) враждебен поиску. Пропуская, чтоб избежать ненужных повторов, понятные звенья, сформулируем следующее заключение: аксиология жесткого типа индетерминирована долженствованием.

Касаясь мягкого типа, на первый взгляд, можно было бы сформулировать обратное: он не приемлет ограничивающее его свободу долженствование и поэтому любит факт. Первая часть такого утверждения, конечно, правдивая, но любовь к факту из нее, безусловно, не вытекает. И еще одно уточнение: аксиология мягкого типа отнюдь не индифферентна к долженствованию. Это не есть простое его невосприятие, это враждебное отношение к нему. И здесь мы уже находим ключ к жизненности факта.

В известные иные времена доспехи и конная амуниция составляли главное, а порой и единственное состояние мужчины, и на них обращалось внимание в первую очередь. Невероятно высокого уровня достигла и эстетизация военной атрибутики. Это неудивительно ее любили как самую жизнь, поскольку она и была главным ее условием. Конечно, при благоприятных обстоятельствах можно было, выражаясь современным языком, еще и "приватизировать" неприятеля, однако для этого следовало, прежде всего, уцелеть. В такой понятной последовательности жизни средства физической защиты, естественно, выступали не только внешним, но и внутренним мерилем ценностей. Но почему же данным качеством обладают лишь физические средства защиты? В равной степени это относится и ко всем прочим. Защита физической свободы осуществляется холодным и огнестрель-

ным оружием, защита моральная использует другой арсенал.

Против ненавистного ему поиска мягкий человек выдвигает состояние. Это его доспехи. И как бы ни была тяжела его жизнь, факт для него приемлемо окрашен, связан на бессознательное "да".

Отсюда уже выводится искомая различительная черта: для жесткого типа аксиологически значимо долговременное, для мягкого типа факт.

При этом на другом конце: факт не враждебен жесткому типу, это его операторная база. Отношение к нему рациональное, ни в какие предшествования (метафизику) не помещаемое. И в этом смысле, как уже было сказано, индифферентное. Долговременное же для мягкого типа не индифферентно, а противоположно. Понятным поэтому является их следующее отношение к неопределенности: очень терпимое со стороны мягкого типа и противодействующее со стороны жесткого, так как последний теряет в таких условиях свою точку координат. И если неопределенность, по мнению жесткого человека, не имеет перспектив к самораскрытию, он склонен быстро доопределять ситуацию в худшую сторону.

Рассмотрим некоторые вытекающие из сказанного частные выводы, переходя от их общих содержаний к поведению мягкого и жесткого типа, так сказать, "на природе".

Если кто-нибудь слишком эмоционально и крайне отрицательно отреагирует на ваши слова "Лучше что-то, чем ничего" или "Работа как-то идет, и лучше так, чем никак" не спешите делать вывод о психической неустойчивости этого человека. Жесткий тип в принципе не паллиативен, он не признает никаких полумер и вообще никаких "полу". И это вовсе не ставит знак равенства между ним и психопатичным экстремистом или упрямым, неспособным понимать значение компромисса. Благодаря своему активному рациональному модусу, жесткий тип не способен быть ни тем, ни другим. Его реакция на ваши слова вполне естественна, так как он сразу видит в них угрожающую подмену событий. Проще говоря: попытку не решать задачу, а имитировать решение или вообще заменить задачу другой. Он никогда с этим не согласится, и если не сможет (по разным причинам) активно оппонировать вам, тихое к себе презрение вы обеспечили. Его потом будет очень трудно снять (ваша второсортность уже занесена в базу данных жесткого типа, вас очень оперативно превратили в факт), но вместе с тем никакое презрение к вам не возникнет, если вы пусть даже не примете, но очень серьезно отреагируете на критику. Вам оставят чистое поле, причем с благожелательно-вопросительным знаком в графе перед именем.

Жесткий тип (при всех крайностях и спецификациях его индивидуальных представителей) в принципе благожелателен, так как ищет лучшего, готов и умеет мобилизовывать для этого все свои силы. Эта норма его жизни

позволяет спокойно относиться к достижениям других, даже если у него самого многое не складывается. Иначе говоря, жесткий тип не завистлив.

Благожелательность слишком близко соседствует со снисходительностью, поэтому жесткий человек крайне приветливо реагирует на чужие раскаяния и готов в эти минуты поступиться ради другого личным. Иногда очень многим. (Это и крайне опасная его черта, как мы скоро увидим.) Рационализм и независтливость делают его гораздо более корпоративным, чем это можно предположить (из-за часто встречающейся педантичности, сдержанности и т.п.), вместе с этим, социальная интеграция высоко оценивается им как эффективная форма существования уже и вне связи с каким-либо историческим прошлым.

Мягкий тип в принципе не корпоративен. Он недоверчив и внутренне враждебен, так как чужое "могу" воспринимается им прежде всего как ограничитель собственного свободного поля. Полностью пребывая в сфере данностей, он вынужден оценивать чужие результаты только с точки зрения ограниченности общего на всех ресурса. Завистливость мягкого типа поэтому нередко проявляет себя в близких к патологическим проявлениях, когда самые не относящиеся к его реальным возможностям чужие успехи вызывают у мягкого человека злобно-негодующие внутренние отклики.

Мягкий не принципиален. (Что не мешает ему стать и героем, об этом ниже.) Даже относясь к принципам культурно и интеллектуально с очень большим уважением, нельзя преодолеть внутреннюю установку "можно", точнее, это экстраординарные случаи. Что касается упрямства, часто подменяющего собой принципиальность, оно в равной мере свойственно каждому типу. Разница в мотивациях. Упершийся всеми четырьмя точками в частные жизненные обстоятельства, человек может быть нормализован объяснением их малой значимости для текущего состояния или для будущего. Поэтому в практическом плане важно выяснить кто же упрямец?

Природная беспринципность мягкого типа и бессознательно копящаяся обида от сдержек не только исключают законопослушный менталитет (в сколько-нибудь полноценном его смысле), но и формируют то самое внутреннее взрывное устройство, критическая масса и разрушительная сила которого неизвестны самому владельцу, и это касается не только общественных явлений, но и отдельных жизней. Покоряясь фактам, мягкий тип слишком многое впускает внутрь. Жесткий тип такого не позволяет. Просто уже потому, что обязательно реагирует и пытается активно скорректировать свою жизнь относительно случившегося.

Мы уже говорили о первых благожелательных импульсах жесткого человека. Но это именно первые импульсы, и признаны они тем, что он хочет видеть в вас се-

бе подобного. Ни в коем случае не поддерживайте в нем таких иллюзий, если это не так. Чем дальше дело пойдет, тем суровее будет расплата. Вас просто и один момент беспощадно вычеркнут из всяких списков, а если ваш жесткий партнер к тому же высокоэмоционален и не слишком умен, будут всю жизнь ненавидеть как предателя.

Но и не предъявляйте претензий к его нетерпимости.

Человек, который умеет плавать, никогда не будет считать вполне полноценным того, кто этого не умеет, хотя и живет с ним в тех же условиях. Даже такие пустяки немало значат. Но мягкий тип для жесткого человека это совсем не пустяк. Это недочеловек. В пассивном своем состоянии (не активирующем мягкую установку) он рассматривается лишь как материал и опять же с тем самым благожелательно-вопросительным знаком. Это естественно, так как из материала можно сделать хорошую (жесткую) вещь, что (как кажется жесткому человеку) так же несложно, как научиться плавать.

И снисходительность жесткого типа имеет тоже свои очень четкие границы. Он спокойно простит партнеру в сложной ситуации сильный просчет, но не простит бесшабашность, даже если она не повлечет за собой опасных последствий. Коротко говоря, его формула: только тот имеет право на ошибки, кто всеми силами стремится их избегать.

Взаимодействие жесткого и мягкого типа более чем нежелательно.

В брачном партнерстве мягкий тип обречен всю жизнь не претендовать более чем на материал, поскольку любая его личная активация будет вызывать агрессию со стороны жесткого, в меру, конечно, конкретного темперамента. Но и покорное состояние мягкого будет накапливать в жестком партнере усталость, доброжелательная вопросительность не просуществует долго и сменится равнодушием. Поэтому мягкий может очень легко потерять своего партнера, если тот встретит аналогичный себе жесткий тип, сколько-нибудь отвечающий его эстетическим требованиям.

Руководить коллективом из мягких жесткий никогда не сможет, предварительно потрепав или разгромив его, он уйдет.

В качестве главы мягкого народа жесткий тип (если скоро не свихнется) будет ломать через колено, относясь к своим подданным исключительно как к сырью. Полагая, что все можно сделать на одном поколении, он сильно ошибется, но и тут еще нужно выиграть. Мы сказали, что мягкие не корпоративны? Да, во всем, кроме борьбы против жесткого. Мягкие потом будут долго (во многих поколениях) праздновать свою победу над жестким или плакать, при поражении, от исторических синяков.

Обратите внимание, как наши мягкие интеллектуалы

всегда относились к Петру I. Даже будучи удалены от него на большую историческую дистанцию, опасались его физически. И в их оппозиционных к нему экзерсисах не столько анализ, сколько страх, чтобы больше такого не было. А еще лучше, чтобы ничего похожего в их жизни не было и близко. И здесь уже рекомендация жестким: не трогайте мягкого человека, если не можете надеть на него намордник, он обязательно покусает. Потому что думает, что главная ваша цель с ним, самоценным, расправиться.

Ценностно ориентированный на данность, мягкий выбирает и абсолютизирует главную себя самого. Жесткий (как человек, но не тип) себя, сиюминутного, не очень любит, поскольку его аксиология располагается на дальнем плане, что так характерно проявляет себя в наиболее известном произведении Ф.Ницше.

Понятно, что в действительности история не смешивала, но разграничивала по типовому признаку. (И в этом разделении нет никаких аналогов указанному выше среднечеловеческому подобию, то есть нет количественного преимущества того или другого.) Активные жесткие европейцы хлынули в Северную Америку, их люмпен (он всегда мягкий) стек в Южную, смешавшись там с мягкими африканцами и обленившимися испанцами. Сверхжесткий японский тип (тут надо, но нет уже времени сказать о дзэн-буддизме) обыграл потом экономически всех, кого захотел. Китай? Ну, бог даст, мы не доживем.

Историю делают жесткие, мягкие в ней просто живут, пока им это позволяют. Еще проще, пока нет достаточных средств, чтобы им не позволить. Но средства создаются жесткими гораздо более высокими темпами, чем это умеют делать мягкие для собственной защиты... Скажем же о них несколько теплых слов.

Уже понятно, что мягкий тип тип чувствующий и за избытком времени созерцательный. И тип ослабленно дифференцирующий. Следовательно, и мало отсеивающий, и не столько склонный к иерархическим выстраиваниям, сколько к независимым цельным кускам.

В записях Юрия Трифонова есть такое: "Настоящая литература должна быть печальной". Наш замечательный писатель не развивал, конечно же, эту мысль до уровня творческой установки, сказано бегло. Но очень точно выбрано главное слово печаль. В нем тот же отголосок всеобъемной бесконечности, как в слове чаять, таком родном нашему русскому словарю. Ставшая на ноги в нем мыслимо короткие сроки русская литература (да простят меня любители "Слова о полку Игореве"), в столь же короткие сроки переросла и всю остальную. "Когда б вы знали из какого сора..."? Нет, не из сора, а из громадных внутренних накоплений. Из того прочувствованного и не нуждающегося в отдельных полочках материала, который лежит, как в глубине земли лежат самоцветы. Большие камни и большие мастера находят друг друга.

Мягкий человек мировая копилка, и среди нищенских

грошиков многих печалей там искрятся золотые червонцы чайный. В общей массе то и другое равно по весу. Принимают ли это в жестком мире?

Понимают, да даже просто знают. И ценят. Но эти ценности не обладают для них природной двигательной силой.

Следуя доброму киногерою, можно было бы и попросить: "Мягкий человек, конечно, виноват. Но он... не виноват. Пожалейте его, граждане жесткие судьи". Не пожалеют, закон есть закон.

Мы все-таки обещали поговорить о предложенных типах не только теоретически, но и в ощутительных образах. Действительно, очень важно обозначить их на эмпирическом уровне.

В.В. Розанов и Н.С. Лесков. Попробуем. Благо люди эти, за крайней выразительной мощью своих талантов, оставили о себе огромную информацию.

В разговоре с молодым филологом я как-то попал в затруднение. Коснулись Лескова. "Он русофил".

Сказано было ни за, ни против, а так, будто отсюда само собою вытекают все прочие содержания.

"Почему русофил?" – "А кто же?"

Фил, фоб... как очень правильно ответил персонаж известного анекдота: "Да, просто, живу я здесь!"

Жили в России, но очень по-разному. Хотя оба, что называется, делали себя сами. Но в сделанном Розановым постоянно ощущается сиюминутная приязнь, крайнее равнодушие к тому, что "сейчас". Лесков, в общем, не так уж редко обращается к фактам и злободневности, но почти исключительно там, где это вызывает у него чувство протеста от явного неурядка. Главное же его внимание устремлено на дальнейшее: на прошлое, где он ищет традиции и ментальные складки нации, способные послужить основой для будущего; на новые, обозначившиеся в обществе пути в будущее, и те из них, по которым двигаться некуда. Фактический средний человек Лескову не интересен, ему интересен феноменальный. И силу того или иного феномена он явно онтологизирует. Лесков хирург и препаратор, тщательно готовящий и максимально сконцентрированный на своей операции. И относящийся к ней, как к долгой работе. Розанов, при всей претензии на анализ, делать этого не умеет (более правильно: не способен). Его главный прием – вчувствование. И здесь он мастер в выплескивании отдельных эмоциональных импульсов, внутренних красок и т.п. Он может ставить их комбинации под разные освещения и в сиюминутном экстазе делает иногда это так, что у современников скулы воротит. Звание манипулятора присваивалось ему многими и в течение многих лет, но нужно сразу же признать, что каждый его продукт творчески искренен в смысле рождающих его в данный момент мотивов. Розанов, строго говоря, только и состоит, что из мотивов, то есть из движений души, которой предоставлен полный

произвол в ее поведении. Более того, этот произвол декларируется им как главная ценность, а установка на "можно" вырастает до уровня "мне все можно!". В одном из своих писаний Розанов отдает своей душе на откуп весь мир: "Гуляй, моя душенька, гуляй!" ласково приговаривает он, предлагая ей все что угодно на выбор. "А вечером пойдешь в церковь", добавляет в конце, будто о чем-то вспомнив.

Понятно, что вечерний визит "душеньки" в церковь есть лишь продолжение все той же гулянки. На манер гуляний городской публики у монастырских стен летним субботним вечерком. И божья благодать, и штофик с собой употребляй в приятной пропорции.

Жизнь религиозная у Николая Семеновича состоялась, у Василия Васильевича не получилась. И по более чем понятным причинам.

Лесков явился в жизнь с фундаментом сверхдальних планов, и осознание себя в православной плероме не требовало для него никаких примеров. Он и в литературу вошел с уже законченным вполне религиозным чувством, поэтому дорогу к церкви в ней никогда не искал.

Розанов же явился с острым подвижным умом, и больше без ничего. Ум самолюбивое начало. И если нет других, он постарается, чтобы и не было. Отсюда и форсированный переход установки с "можно" на "мне все можно".

Смешно относиться к религиозным изысканиям Розанова и его отворачиваниям от христианства с научно-методической точки зрения, коль скоро мы представляем себе разницу между человекобожием и богочеловечеством. Ни один сильнохарактерный мягкий (первым из них был падший ангел) под императивом жить не станет. Он лучше удавится. Потому что лучше ужасный конец, чем ужас без конца. А тот, кто переживет нервный кризис, обязательно построит ту или иную модель человекобога, вплоть до атеистической, являющейся все равно такой же по сути. А светлая богочеловеческая идея? Она для сильного-мягкого хуже бельма на глазу, и в средствах он церемониться не будет.

Знаю, мне могут возразить, что в последние дни своей жизни Розанов религиозно просветлел, соборовался и т.д. Слава Богу! И Розанова мы здесь рассматриваем совсем не для его обиды, а только в плане эмпирического проявления мягкого и жесткого типа, тот тоже не сахар. Фанатики долженствований самые страшные на земле люди, и я не буду приводить их слишком известные имена.

Но все-таки еще немного о гуляньях души, чтобы не получилось так, будто мы придаем большое внимание лишь трактирным забавам.

"Конармия". И. Бабель. Документальный рассказ: "И стал тут папаша братца Федю резать. И резал долго, до самого вечера, пока Федя не кончился". Это когда красный Федя попал и руки белого папаша. Семейно поговорили.

Папаша был мягкий человек. Жесткий, при том же составе звериных качеств, просто б убил.

Душа гуляет по-разному, отпущена так отпущена. И даже в зверином своем оскале может споткнуться, вдруг, о неизвестный самой себе камень сомнений, очувствоваться и разрыдаться. Увидеть все с другой точки, потому что все они тоже есть. И телом своим закрыть врага, не то что родного сына. Случись... пошел бы такой папаша, осветляя всех чистым взором и удивляя неизвестной самому новой речью, прибавился бы мир непонятно откуда взявшимся праведником... Если б прощенный Федя не стрельнул ему вдогонку.

Но все-таки к религиозной жизни Лескова и Розанова нужно еще вернуться.

По сути, на их примерах можно сказать и несколько больше, чем о религиозной готовности или неготовности одного и другого типа. Можно сказать и о том, что мягкий, не имея в своем арсенале высшего безусловного адреса как такового, и не способен выработать в себе полноценную категорию "авторитет". Именно здесь, на наш взгляд, корни того самого нигилистического интеллигентского духа, который так хорошо описан у С.Л.Франка, но именно описан, а не объяснен... Лесков крайне внимателен и осторожен в обращении с человеком, даже если тот буйствует и разбойничает (о сыне будет сказано, не торопитесь). Не говоря уже о том, что замечания Лескова по адресу не слишком сведущих (сравнительно с ним) в христианстве Толстого и Достоевского делаются со стремлением никак уж не скомпрометировать этих людей. Поймав главный смысл тургеневского Базарова именно в нигилистической порче здоровых русских людей, он пишет, что сам Базаров как материал ему в принципе нравится. Вообще Лескову крайне неприятно не уважать человека, и он позволяет себе делать это только там, где отрицательные персонажи в полном смысле отрицательны, заданы сразу, и почти или совсем не люди.

Розанов готов задеть кого угодно, но самого его попробуй тронь! Огрызнется на всю катушку. А если он вполне уважителен, то в эти минуты он, скорее, симпатизирует, а не уважает.

Вот, Гоголь угощал своих гостей в Риме жидким чаем, сославшись на кого-то, цепляется Розанов, и под это дело морализировал, долго и бесцветно назидал...

Групповой портрет несчастных гостей, издевательски подверженных жидкому чаю (можно и так понять, что Н. В. сушил заварку для многого на подоконнике, по ночам скорее всего), рисуется с быстротой, недоступной ни одному художнику Арбата. Далее так же быстро моральные рассуждения Гоголя за столом приравниваются по качеству к чаю, а потом к этому качеству приравнивается и весь умственный состав его творчества. Нет там идей! Не-ту! – провозглашает Розанов, показывая очумелой

публике на недопитый стакан.

Вот если б Гоголь закусок на стол навалил, водки, ну, рому еще, мадеры... тогда и говори о чем хочешь! Так, что ли?

Фантастическая комичность и непристойность этого сюжета нисколько не смущают Розанова, "мысль" помещается в едва ли не главную его книгу "Опавшие листья".

Сильнохарактерный мягкий богоборец, средний придумает себе индивидуального бога (это подмечено давно и не нами), слабого просто не разберешь. Отношение к авторитету совершенно одинаково выступает у всех в количественной мере (как экстраполяция собственной личности). Качественная разница "наверху" активно отвергается, "внизу" не признается ("Мы люди темные, не понимаем" и т.п.). Количественная понимается и признается всеми и вполне. ("Уважаемый человек" даже к вору, или по простоте "С бугра видней" и т.д.).

Для жесткого всех уровней культура это прежде всего культура авторитетов, их качество. Конечно, и там можно пережевать людей и довести, в том числе, до взрыва, но вернется все к прежнему. Горизонталь и вертикаль не поменяются местами.

История конфликта Лескова с сыном слишком известна и даже сюжетно не интересна, чтобы входить в ее детали. По обывательски (мягко) звучит именно так, как и должно: "Не отец, а зверь, хотел уничтожить собственного сына". Сына Николай Семенович, нужно признать, запустил, но не от равнодушия и невнимания, а полагая в нем те растительные признаки, что и в прошлом у себя самого. Жесткие в этом всегда наивны. Несоответствие обнаружилось для него тоже так, как и должно было: внешне и в полной картине. Юноша проявился в образе стандартного разгильдяя, пошлого и не стремящегося к иному нулю. В образе дряни.

На жестких так и надо писать: "Не стойте под весом!".

Нельзя думать, что их выговор или предупреждение всего лишь очередные. Любое может обратиться в подписанный приговор. И жесткий сам в таких случаях не знает, что именно он решит завтра, но решение превратится в факт.

Дрянь нужно выкинуть за ворота! Так было и сделано...

Из сына получился потом крупный военный специалист, и этот любивший всю свою взрослую жизнь отца человек сумел даже развить в себе прекрасный литературный стиль, в подобие отцовскому.

А мог ведь и погибнуть? Мог. Только кто бы погиб?

Известно, что Ницше, когда при нем хлестнули старую лошадь по глазам, заплакал и бросился утешать животное. А в "Заратустре" примерно так написал: если человек хочет вверх, помощи, подай ему руку. Вниз? Добавь по темечку, пусть катится.

Фил, фоб, любил, не любил...